

Структура и прагматика устного текста

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-12-25

Временной план устного нарратива как проекция субъекта повествования

Виктория А. Черванёва

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности моделирования категории времени в устных повествовательных текстах с установкой на достоверность. Наиболее существенное свойство времени таких нарративов – ориентация на актуальный момент речи: повествование о событиях прошлого строится на фоне и с учетом временного плана ситуации беседы. Это отражается средствами разных языковых уровней (видовременными формами глаголов, особенностями референции действующих лиц, формами прямой и косвенной речи, лексикой с темпоральной семантикой) – их анализ в статье проводится на материале автобиографических мемуаров. Также рассматривается явление «многослойности» временной системы текста в нарративах о чужом опыте – отражения в тексте сразу трех временных точек: актуального момента речи (беседы с собирателем), момента первого восприятия рассказчиком истории от участника событий и момента описываемого в тексте события. При сопоставлении этих особенностей с традиционными повествовательными жанрами фольклора становится очевидно, что основное различие организации временного плана состоит в характере соотношения текстового времени с моментом речи, что связано с разной позицией говорящего по отношению к хронотопу текста. Таким образом, временной план устного нарратива представляет собой проекцию субъекта повествования.

Ключевые слова: нарратив, повествователь, субъектная организация текста, категория времени, момент речи

Для цитирования: Черванёва В.А. Временной план устного нарратива как проекция субъекта повествования // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 6. С. 12–25. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-12-25

© Черванёва В.А., 2024

Temporal plan of oral narrative as a projection of the subject of narration

Victoria A. Chervaneva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, viktoriya-chervaneva@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the features of modeling the category of time in oral narratives with reliability. The most essential property of the time of such narratives is the orientation to the actual moment of speech: the narrative about the events of the past is built taking into account the time plan of the situation of the conversation. This is reflected by means of different language levels – aspectual-temporal forms of verbs, features of the reference of actors, forms of direct and indirect speech, vocabulary with temporal semantics. Their analysis in the article is based on the material of autobiographical memorates. The reflection of three time points at once is considered: the moment of speech, the moment of the narrator's first perception of the story from a participant in the events, and the moment of the events described in the text. A comparison of these features with the traditional narrative genres of folklore shows that the main difference in the organization of the temporal plan lies in the nature of the relationship between text time and the moment of speech. This is due to the different position of the speaker in relation to the chronotope of the text. Thus, the time plan of oral narration is a projection of the narrating subject.

Keywords: narrative, narrator, subject organization of the text, category of the time, moment of speech

For citation: Chervaneva, V.A. (2024), "Temporal plan of oral narrative as a projection of the subject of narration", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-6-12-25

Проблема организации временного плана текста является одной из обсуждаемых в исследованиях повествовательного фольклора, и это неслучайно. Время – ключевая текстообразующая категория нарратива в силу объективных причин: нарратив – рассказ о событии, а событие всегда протекает во времени, вне времени оно не существует и не мыслится.

В связи с этим нельзя не вспомнить известное положение о двоякособытийности нарратива: наличии в тексте двух событий – того, «о котором рассказано в произведении, и события самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели)» [Бахтин 1975, с. 403], и оба эти события состав-

ляют текст в «его событийной полноте» [Бахтин 1975, с. 403]. Эта, казалось бы, очевидная идея долгое время не была вполне очевидна прежде всего потому, что событие речи – создания текста и его восприятия – в художественной литературе получает неявное, часто имплицитное выражение, и чтобы увидеть следы «присутствия» автора в тексте, необходима определенная рефлексия, а порой даже настоящая исследовательская работа. Что касается устных текстов традиции, которые существуют в режиме реального времени, в процессе исполнения, этот двусобытийный характер бытия текста предстает со всей наглядностью и очевидностью. Как кажется, именно такой путь анализа категории времени в устном тексте – с учетом обоих временных планов – будет продуктивным. Попытаюсь показать это на материале устной прозы.

О категории времени в традиционном повествовательном фольклоре сделано немало ценных наблюдений¹. В.Я. Пропп [Пропп 1998], Д.С. Лихачев [Лихачев 1967], С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 1972; Неклюдов 1973; Неклюдов 1975; Неклюдов 2015], В.М. Гацак [Гацак 1989], Н.М. Герасимова [Герасимова 1978] и другие исследователи, занимавшиеся этой проблематикой на материале традиционных эпических жанров, в целом ряде работ отмечали такое существенное качество категории времени этих текстов, как замкнутость. Так, Д.С. Лихачев отметил, что «сказочное время не выходит за пределы сказки. Оно целиком замкнуто в сюжете. Его как бы нет до начала сказки и нет по ее окончании. Оно не определено в общем потоке исторического времени» [Лихачев 1967, с. 232]. Далее ученый сделал более широкое обобщение: «Художественное время основных жанров фольклорных произведений всегда замкнуто» [Лихачев 1967, с. 252] (см. также об этом: [Пропп 1998, с. 152; Неклюдов 1975, с. 183–184]).

Эта особенность проявляется прежде всего в том, что в текстах традиционного повествовательного фольклора (эпос, сказки) время описываемых в тексте событий не соотносится с временем реального бытия носителей традиции – оно ограничено самим текстом. Ср.: «Пространственно-временная статика повествова-

¹ Следует отметить, что категория времени, в силу своего универсального и всеобъемлющего характера, является важнейшей для любого фольклорного жанра и, по словам С.М. Толстой, может «концентрировать в себе ключевые идеи и нести на себе главные семантические акценты культурного текста» [Толстая 2011, с. 343] (см. примеры анализа временного плана текстов разных жанров устной традиции в сборнике [Пространство и время 2011]). В настоящей статье мы сосредоточимся на анализе времени как категории повествовательной.

тельного фольклора проявляется прежде всего в замкнутости, закрытости изображаемого мира. Непосредственно он не соотносится с реальным историческим временем и географическим пространством – не составляет с ними “непрерывного ряда”, занимая с этой точки зрения “островное положение” [Неклюдов 1975, с. 183]. Как правило, событие исполнения/рассказывания не получает отражения непосредственно в тексте, а если это происходит – то в ремарках, комментариях, рамочных элементах, не входящих в собственно сказочный нарратив или эпическое повествование (о взаимодействии сказочника с аудиторией слушателей в ситуации исполнения см. в: [Герасимова 2012]).

Исследование же повествовательных жанров с установкой на достоверность (мифологических рассказов, автобиографических меморатов) показывает, что эти принципы темпоральной организации не действуют в устных нарративах такого рода: они устроены принципиально иным образом. Прежде всего это касается упомянутого свойства «замкнутости» времени – в устных рассказах время как раз «разомкнуто». Попытаюсь показать, какими языковыми средствами это достигается, на материале записей из моего личного архива – меморатов жителей Подгоренского района Воронежской области о жизни в оккупации в 1942–1943 гг. во время Великой Отечественной войны (тексты частично опубликованы в: [Рычкова, Черванёва 2022]).

Подборка составлена из рассказов одной информантки – жительницы пос. Подгоренский Федотовой Татьяны Стефановны, 1929 г. р., которой в момент описываемых событий было 13 лет. Запись ее воспоминаний производилась на протяжении нескольких лет, рассказчица неоднократно возвращалась к одним и тем же сюжетам спустя некоторое время. Ее рассказы довольно объемные, развернутые, по структуре почти целиком представляют собой монолог. Ситуация записи всегда была максимально естественной – рассказчица с удовольствием начинала повествование и не нуждалась в побудительных вопросах и стимулах для его продолжения, практически не осознавала факт записи, таким образом, по этим текстам, как кажется, можно проследить логику разворачивания нарратива под влиянием внутренних факторов, а не внешнего стимулирования.

Итак, перейдем непосредственно к анализу: он показал, как уже было отмечено, что временной план устных меморатов устроен совершенно иначе, чем жанров традиционного повествовательного фольклора, и прежде всего это касается свойства «разомкнутости» времени – в противоположность «замкнутости» времени традиционного нарратива. Проявляется это в целом ряде характерных особенностей.

Во-первых, используемые в меморатах временные маркеры встраивают события текста в историческую линейную перспективу. Так, ключевыми, постоянно употребляемыми в рассказах временными обозначениями являются лексемы «лето/зима» и тематические связанные с ними лексические единицы, но они репрезентируют в данном случае не циклическую аграрную модель, а историческую линейную, поскольку маркируют временные границы исторических событий: лето 1942 г. связано с захватом территории гитлеровскими войсками и началом оккупации, события же зимы 1943 г. – с освобождением земли от захватчиков. Таким образом, темпоральная лексика служит для установления временной событийной рамки и временной ориентации. Ср.:

Ну, это было уже **в конце лета**, сказать. **Тэпло, жарко** на улице было и всѣ. И попѣрлы нас на этой телеги, повизлы лошади, не помню вжѣ – чи одна, чи дви было лошади. И прыйихалы к концу деревни – выгружайсь (зап. 17.02.2021)².

...еще ж **тэпло, лито**, мухотвы – тьма... (зап. 17.02.2021).

...она пришла домой. Я сидела ў хати там у бабушки, а мама во дворе была, а она йдѣт во двор. Тут на голове шо-то тряпки какие-то одеты, тут тоже тряпки, на ногах из фуфайки рукава и завязаны там какими-то тряпками – бѣлая прямо совсем, а уже ж **холодно, зима пришла** (зап. 27.12.2019).

И прямо **морозы были огромные тогда** – сорок и больше, а снега от-такие, под крышу снегу было, очень много, загрузали, если дороги нету, загрузнешь и не вылезешь. И там позамерзали и мѣрзлые стояли о так руки поднявши (зап. 27.12.2019).

Во-вторых, отсылка к прошлому (причем реальному, хотя и трансформированному в процессе коммеморации³) осуществляется

² Звучание диалектной речи информантки (это слобожанский диалект юго-восточного наречия украинского языка [Черенкова 2009, с. 303]) передается в русской орфографии способом, закрепленным в отечественной научной традиции (см., например: Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX в. / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. Т. 1. М., 2010).

³ Ср. в связи с этим термин «двойная темпоральность» Э.-Б.М. Гучиновой, описывающий феномен, свойственный автобиографическим рассказам, когда излагаются события, зафиксированные в детской памяти, тогда как их оценки даются уже опытным человеком [Гучинова 2023].

через репрезентацию настоящего момента беседы. Эта особенность проявляется в ориентации всего текста устного рассказа, всей его лексической и грамматической системы на актуальный момент речи, что выражается средствами разных языковых уровней (видо-временными формами глаголов, особенностями референции действующих лиц, местоимениями и вообще дейктиками, формами прямой и косвенной речи) – иными словами, рассказ о событиях прошлого всегда строится на фоне и с учетом временного плана ситуации беседы.

Так, в рассказе о прошлом постоянно происходит отсылка к нынешнему моменту с помощью наречия *сейчас* (эта лексема – основное средство обозначения момента речи в русском языке [Апресян 1995, с. 631]) в конструкциях с синтаксическим настоящим временем (в том числе в предложениях с нулевой связкой или в неполных предложениях) или даже без этого наречия (см. последний пример):

Як выгрузылись, а народу – хто на стикэ навизлы туда, очень много. И молодежь в основном, таки, например, як оце я уже *сейчас*, уже нэ нужни булы, я ж не трудоспособна (зап. 17.02.2021).

Ну, я не знаю, куды их погналы, я не побачыла сначала. А нас отожд в полицию, а рядом, где оце Сашкино подвирье *щас*, тут немцы занималы этот дом, вин був, конечно, помэньше дом, и тут они занимались (зап. 17.02.2021).

«Дайте свою дочку в милиц... в полиции полы помыть надо. Бери тряпку и ведро и выходи на улицу», – приказывает мне. «А там еще две, вас трое будут там убирать в полиции». Полиция была *где «Магнит»*, дак на углу от-этот большой дом, дак о там стоял маленький дом, и там была полиция ихня (зап. 27.12.2019).

Как видим, постоянная апелляция к моменту речи неразрывно связана и с локусом актуальной ситуации беседы – рассказчица пытается соотнести хронотоп, создаваемый в своем тексте, с нынешним реальным ландшафтом («где оце Сашкино подвирье *щас*», «где «Магнит» – имеется в виду магазин, который расположен в настоящее время на месте происходивших в прошлом событий).

Ориентация на момент речи и в целом на ситуацию общения также проявляется в номинациях действующих лиц – их референция осуществляется относительно адресата в момент беседы. Так, постоянный персонаж, действующий в текстах, – сестра рассказ-

чицы, которой во время описываемых событий было 14 лет, – стабильно называется *бабушкой* (или *бабой*) *Наташей*, часто с определением «покойная»:

Я була дома и *бабушка Наташа*, ну мы были подростки таки (зап. 17.02.2021).

Ага, а наш дедушка тоже на фронте був, отец мой покойный, а бабушка, я и *баба Наташа покойна* (зап. 17.02.2021).

Ага, и они забрали *бабу Наташку*, через ярк о там Коробкина Маруся была – покойна уже, царство небесное, и еще одна, Наташа (зап. 27.12.2019).

Тенденция такого именования прослеживается даже в динамических описаниях событий, происходивших с этой героиней: так, когда информантка вспоминает драматичный эпизод возвращения сестры из трудового лагеря, где та едва не погибла, она подробно описывает ее внешний вид и ужасное состояние, в котором она находилась, но даже в таких фрагментах текста девочка тем не менее именуется *бабушкой* – относительно временного плана ситуации беседы, ср.: «Дак *бабушка Наташа покойна* на руках, на ногах из рукавиц, из рукава конца обувь, на рукавах и на голове якись тряпкы, и шо на нэй понадивано, и плачэ, а я соби крычу, а мама соби» (зап. 17.02.2021).

Эта особенность референции действующих лиц наблюдается даже в прямой речи изображаемых в тексте персонажей, ср.: «А наши солдаты як зайшли в двир, а мама во двори, спрашуе: *бабушка*, мол, солдаты есть сдаваться? А она каже: есть, у хати» (зап. 17.02.2021). Следует заметить, что «бабушке» (матери рассказчицы) в момент описываемого события было 35 лет и вряд ли солдат мог так к ней обратиться (скорее, мог назвать «матерью»).

В целом ориентация на ситуацию речи и на собеседника, обращения к слушателю, местоимения второго лица – постоянный элемент этих рассказов:

Так тётъ Наташа покойна як прийшла, так *як бы ты глянула* – я в хати була, тоди як выскочыла... (зап. 17.02.2021).

Вывзали в полицию, прийшли мы туда, пидгоняють лошадь и така телега, *может, ты не бачыла даже таких*, телега на колесах, а это – зроблена из дерева, з веточок... (зап. 17.02.2021).

При этом важно отметить, что все эти элементы, присущие спонтанной разговорной диалогической речи, в меморатах не являются внешними, обрамляющими элементами нарратива, напротив, это органичные элементы текста.

Аналогичное наблюдение – об отражении в тексте ситуации речи темпоральными маркерами – было сделано ранее на примере использования наречия *сейчас* в мифологических рассказах [Черванёва 2020, с. 80–84], в сопоставлении со сказками, где слово *сейчас* используется исключительно в значении «тотчас, быстро, сразу же», причем как в речевой партии повествователя, так и в прямой речи персонажей, и никогда не употребляется для обозначения момента речи (момента исполнения текста) – таким образом, временной дейксис сказки не связан с актуальной ситуацией речи [Черванёва 2020, с. 83–84].

Рассмотренное качество достоверной прозы – ориентация на актуальную коммуникативную ситуацию – обуславливает еще одну особенность временной организации устных меморатов, отличающую их от традиционного фольклора, которую можно обозначить как «многослойность» темпорального плана текста.

Имеется в виду следующее. В пересказах чужого опыта происходит отражение сразу нескольких временных точек: актуального момента беседы с собирателем, момента первого услышания рассказчиком этой истории от участника событий и собственно момента описываемого события. Приведу пример текста с такой организацией – нарратив о случае, произошедшем в детстве с супругом информантки, о котором он ей рассказал спустя много лет:

Ближе к Ольховатке туда, наши сёла, и он там жил. И он был же пацаном, он же на год от меня моло... меньше, и ростом маленький был, а такой прыныра. И говорит, лошади... а у их лошади... <У немцев, да?> большие, ноги такие толстые, тяжеловозы, они тягали орудия. Ага, и говорить, пара... две пары лошадей стояли в сарае и наша, говорит, корова. И отгородили так, а здесь лошади. И один немец за ними ухаживал. А ездили, говорит, запрягали телегу, ездили на поле, наши снопы повязали, пшеницу, и всё ж покидали, как уже немцы пришли, на поле, они на телегу накладывали снопов, привозили, и лошади ели, прям зерно с соломой. И корове давали, корова, говорит, растолстела, такая сделалась, и лошади эти ели. А, говорит, не надували, воды не давали, и они, говорит, уже бросили есть и орут в сарае. Я, говорит, догадался, а я, говорит, трофейную лошадку поймал и тоже в другом сарайчике держал и ухаживал за ней, еще пацаном. Ага, я, говорит, сестре говорю: «Маруся, ты слышишь, как лошади орут? Они же пить хотят, шо ж немцы не соображают – накормили зерном так, а воды не дают». Ага,

а она говорит: «А шо ж делать?» – «Давай, говорит, щас, бери вёдра и иди, набирай там, тягать о так воду с колодца, поналивай, а я щас их поотвяжу и приведу». Ото такие лошади, а он о такой пацан. Я говорю: «Не боялся?» – «Не». Я, говорит, отвязал их и повёл. <А почему нельзя ведро ей туда принести?> А? <А почему нельзя ведро туда принести лошади?> Ну оно ж далеко и ведро они не донесут, Маруся та мала ещё, и он. Ага, она, говорит, натягала воды, поставила, а я, grit, их поотвязывал, в одной руке за поводок, в другой веду двух. Они, говорит, с удовольствием идут, видно, поняли, куда я веду. И, говорить, привёл, они воду как начали пить, вёдра увидели, говорит, заржали. (*Смеется*) <Обрадовались!> Ага, от радости. Так пили-пили столько, сколько им захотелось. А потом, говорит, повёл назад. А немец, говорит, вышел и глянул – в сарае нету их, а мы о так с горочки и колодец там, не видно нас. Потом смотрит, говорит, а я веду их, он стоит, говорит, захопал (*показывает, как – аплодирует*), заулыбался, такой радый. Я привел, говорит, йих и отдал ему, он попривязал и говорит шо-то, а я не понимаю и говорю. «Стой о тут», – махает мне, ага, и показывает: «Я щас приду». Побежал и принес о такой кулёк конфет. <О!> Ага, принес и говорит: «Киндер, киндер – ребенок, что ли называется? <Да.> Возьми, мол, возьми, на!» Ага, и показывает: какой же ты молодец! Во! Благодарит, шо напоил их (зап. 25.12.2019)⁴.

Структуру темпорального плана этого повествования составляют три временных слоя. Первый временной пласт – собственно событие 1942 г. – получает выражение в целом ряде средств. Во-первых, это формы прошедшего времени глаголов в начале рассказа («он там *жил*», «лошади *стояли*», «немец *ухаживал*», «*ездили* на поле» и т. д.), которые относят время события к прошлому – относительно ситуации беседы. Во-вторых, формы настоящего времени в описании самого происшествия («они <лошади> бросили есть и *орут* в сарае», «я *веду*», «немец *смотрит*», «*стоит*», «*говорит*», «*показывает*», «*махает*», «*благодарит*») в сочетании с формами прошедшего времени совершенного вида для передачи динамики совершения акций («она... *натягала* воды, *поставила*», «я... их *поотвязывал*», «*привёл*, они <лошади> воду как *начали* пить, вёдра *увидели*, ...*заржали*», «*повёл* назад», «немец... *вышел* и *глянул*», «*захлопал*», «*заулыбался*»).

Кроме того, действия участников события изображаются с помощью диалога – прямой речи героя и персонажей текста (Маруси, немца). И здесь доминируют формы настоящего времени («ты *слышишь*», «лошади *орут*», «немцы не *соображают*», «воды не *дают*» и др.).

⁴ Текст опубликован в [Рычкова, Черванёва 2022, с. 33–34].

В приведенных примерах формы настоящего времени в описании событий прошлого представляют собой средство изобразительного речевого регистра (термин Г.А. Золотовой), особенностью которого является максимальное сближение повествователя и героя в переживании времени, тогда как для информативного регистра речи свойственна дистанцированная позиция повествователя по отношению к изображаемым событиям [Золотова 1982, с. 348–356].

Второй временной слой нарратива – событие первого восприятия рассказа информанткой от героя текста, произошедшее много лет спустя. Он находит отражение в глаголах речи – это 23 употребления слова «говорить», которым рассказчица маркирует чужую речь («они, *говорит*, уже бросили есть», «я, *говорит*, догадался», «я, *говорит*, сестре говорю», «я привел, *говорит*, йих и отдал ему» и т. д.), а также свою реплику-реакцию в момент восприятия рассказа («Я *говорю*: “Не боялся?” – “Не”»). Все эти формы – настоящего времени, что значимо: событие первого восприятия текста передается наглядно, в изобразительном регистре.

Третий временной слой текста – актуальный момент речи, т. е. событие беседы с собирателем, – отражается в экспозиции рассказа, где используются формы прошедшего времени, поскольку таким образом происходит соотнесение событий с настоящим моментом, регистр же при этом используется информативный. И, кроме того, ситуация беседы «просвечивает» в постоянной устремленности информантки к обратной связи, к контакту с собеседником (Ср.: «Киндер, киндер – ребенок, что ли называется? <Да.>»), – особенности устных рассказов, подробно рассмотренной выше.

«Многослойность» временной системы текста является следствием влияния реальной модальности текста и ее компонентов – категории достоверности и эвиденциальности, требующей указывать источник сообщения и соотносить текст как с ситуацией получения информации, так и с актуальной ситуацией речи. И эта особенность противопоставляет устную достоверную прозу традиционному фольклору, где моделируется особый хронотоп, отделенный от ситуации речи.

Итак, основное различие организации временного плана в традиционных повествовательных жанрах и жанрах устно-разговорной традиции, судя по всему, состоит в характере соотношения текстового времени с моментом речи, что связано с разной позицией говорящего по отношению к хронотопу текста. Таким образом, временной план устного нарратива представляет собой проекцию субъекта повествования.

Это положение, как кажется, можно экстраполировать и на более широкий материал. Если рассматривать отношение к субъектному началу как категориальный признак устного текста, то тексты устной традиции можно в целом разделить на тексты личного характера (мифологический меморат, семейный и автобиографический нарратив, рассказ о личном религиозном опыте и т. п. – тексты, в которых говорящий излагает свой личный опыт или опыт лично знакомых ему людей) и тексты неличного характера (осознаваемые как «общее знание», принадлежащее социуму, – например, эпос, сказка, легенда, анекдот и т. д.).

Несмотря на некоторую упрощенность и огрубленность такой формулировки (разумеется, в традиции существуют «переходные» зоны и «пограничные» формы текстов, которые в рамках небольшой статьи нет возможности рассматривать), тем не менее, как кажется, этот признак (личный/неличный характер текста) вполне осознается говорящим и является компонентом коммуникативной ситуации, определяющим форму текста и его речевую организацию. Нарратор в «неличном» тексте использует нарративную форму с внешним субъектом, при этом строится хронотоп, отдельный и отделенный от ситуации речи, и время в таком тексте «замкнуто» в нем самом. В тексте же «личном» говорящий моделирует текстовой хронотоп в ключе реальной модальности, и ситуация текста и ситуация рассказывания оказываются в таком случае в одном поле с включенным в него говорящим и слушающим. Время и пространство текста в таком случае становится продолжением времени и пространства речи, коммуникации говорящего со слушающим.

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 1995. 767 с.
- Бахтин 1975 – *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
- Гацак 1989 – *Гацак В.М.* Устная эпическая традиция во времени: Историческое исследование поэтики. М.: Наука, 1989. 256 с.
- Герасимова 1978 – *Герасимова Н.М.* Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. Т. 18: Славянские литературы и фольклор / Отв. ред. А.А. Горелов. Л.: Наука, 1978. С. 173–180.
- Герасимова 2012 – *Герасимова Н.М.* Севернорусская сказка как речевой жанр // Герасимова Н.М. Прагматика текста: Фольклор. Литература. Культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. С. 70–91.

- Гучинова 2023 – *Гучинова Э.-Б. М.* «Семь раз нерусский»: Интервью о жизни в Сибири с Г.Ц. Пюрбеевым // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2023. № 3. С. 117–136.
- Золотова 1982 – *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
- Лихачев 1967 – *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.
- Неклюдов 1972 – *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в былинке // *Славянский фольклор* / Отв. ред. Б.Н. Путилов, В.К. Соколова. М.: Наука, 1972. С. 18–45.
- Неклюдов 1973 – *Неклюдов С.Ю.* Заметки об эпической временной системе // *Труды по знаковым системам*. Т. 6. Вып. 308. Тарту: Тартуский государственный ун-т, 1973. С. 151–165.
- Неклюдов 1975 – *Неклюдов С.Ю.* Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // *Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа* / Сост. М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 182–190.
- Неклюдов 2015 – *Неклюдов С.Ю.* Поэтика эпического повествования: пространство и время. М.: Форум, 2015. 214 с.
- Пропп 1998 – *Пропп В.Я.* Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
- Пространство и время 2011 – *Пространство и время в языке и культуре* / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2011. 368 с.
- Рычкова, Черванёва 2022 – *Рычкова Н.Н., Черванёва В.А.* Чужие в хате: воспоминания жителей Воронежской области об оккупации // *Живая старина*. 2022. № 4 (116). С. 32–34.
- Толстая 2011 – *Толстая С.М.* Семантика места и времени в севернорусской свадебной причёте // *Пространство и время в языке и культуре* / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2011. С. 323–344.
- Черванёва 2020 – *Черванёва В.А.* Фольклорный текст в режиме диалога: к вопросу о статусе языка фольклора // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2020. Т. 3. № 2. С. 72–87.
- Черенкова 2009 – *Черенкова А.Д.* Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж: Полиграф, 2009. 328 с.

References

- Apresyan, Yu.D. (1995), *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Vol. 2. Integral description of the language and systemic lexicography], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Bakhtin, M.M. (1975), *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of literature and aesthetics. Studies of different years], *Khudozhestvennaya literatura*, Moscow, USSR.

- Cherenkova, A.D. (2009), *Voronezhskie dialektnye teksty kak istochnik dlya izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka, istorii i kul'tury naroda* [Voronezh dialect texts as a source for studying the Russian national language, history and culture of the people], Poligraf, Voronezh, Russia.
- Chervaneva, V.A. (2020), "Folk text in dialogic mode. On the status of the language of folklore", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 2, pp. 72–87.
- Gatsak, V.M. (1989), *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: Istoricheskoe issledovanie poetiki* [Oral epic tradition in time. Historical study of poetics], Nauka, Moscow, Russia.
- Gerasimova, N.M. (1978), "Spatial and temporal formulas of the Russian magic fairy tale", in Gorelov, A.A., ed., *Russkii fol'klor. T. 18: Slavyanskii literatury i fol'klor* [Russian Folklore. Vol. 18: Slavic Literatures and Folklore], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 173–180.
- Gerasimova, N.M. (2012), "Northern Russian fairy tale as a speech genre", in Gerasimova, N.M., *Pragmatika teksta. Fol'klor. Literatura. Kul'tura* [Pragmatics of the Text. Folklore. Literature. Culture], St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, pp. 70–91.
- Guchinova, E.-B.M. (2023), "'Sevenfold not Russian'. Interview about life in Siberia with G.Ts. Pyurbeev", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 3, pp. 117–136.
- Likhachev, D.S. (1967), *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature], Nauka, Leningrad, USSR.
- Neklyudov, S.Yu. (1972), "Time and space in bylina", in Putilov, B.N. and Sokolova, V.K., eds., *Slavyanskii fol'klor* [Slavic folklore], Nauka, Moscow, USSR, pp. 18–45.
- Neklyudov, S.Yu. (1973), "Notes on the epic time system", in Lotman, Yu.M., ed., *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems], vol. 6, iss. 308, Tartu State University, Tartu, USSR, pp. 151–165.
- Neklyudov, S.Yu. (1975), "Static and dynamic beginnings in the spatial and temporal organization of narrative folklore", in Meletinskii, E.M. and Neklyudov, S.Yu., eds., *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: Sbornik statei pamyati V.Ya. Proppa* [Typological studies on folklore: Collected articles in memory of V.Ya. Propp], Nauka, Moscow, USSR, pp. 182–190.
- Neklyudov, S.Yu. (2015), *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of epic narrative: space and time], Forum, Moscow, Russia.
- Propp, V.Ya. (1998), *Poetika fol'klora* [Poetics of folklore], Labirint, Moscow, Russia.
- Rychkova, N.N. and Chervaneva, V.A. (2022), "Strangers in the hutch: Memories of the residents of the Voronezh region about the occupation", *Zhivaya starina*, vol. 4, pp. 32–34.
- Tolstaya, S.M. (2011), "Semantics of place and time in the Northern Russian wedding parable", in Tolstaya, S.M., ed., *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and time in language and culture], Indrik, Moscow, Russia, pp. 323–344.
- Tolstaya, S.M., ed. (2011), *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and time in language and culture], Indrik, Moscow, Russia.
- Zolotova, G.A. (1982), *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax], Nauka, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Виктория А. Черванёва, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; viktoriya-chervaneva@yandex.ru

Information about the author

Victoria A. Chervaneva, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; viktoriya-chervaneva@yandex.ru